

Алевтина Владимировна Украинчик

ORCID: 0000-0001-6787-7059, ukralevtina@gmail.com

Пятигорский государственный университет

Российская Федерация, Ставропольский край, 357532, Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

Российский государственный университет правосудия

Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Основания акцессорности в российской конструкции соучастия

Аннотация: Нормативная и доктринальная конструкция соучастия по российскому уголовному праву основана на преимуществах, которые даёт акцессорная теория, ограниченная отдельными положениями учения о самостоятельной ответственности соучастников. При этом исходным пунктом правовой оценки совместного поведения нескольких лиц как соучастия в преступлении является факт совершения исполнителем действий, которые содержат в себе состав преступления. Без этого факта конструкция соучастия создана быть не может. «Совершение преступления» следует трактовать как начало непосредственного совершения исполнителем объективной стороны преступления. Само же наличие исполнителя преступления как процессуальной фигуры, факт привлечения его к уголовной ответственности и формы её реализации на оценку содеянного иными лицами как соучастия в преступлении не влияет. Единство совершаемого соучастниками преступления не исключает того, что в поведении каждого из них содержится свой, самостоятельный состав преступления, который выступает основанием их уголовной ответственности.

Таким образом, автор приходит к выводу, что именно наличие преступных действий исполнителя преступления, а не его ответственность, является необходимым, обязательным условием для оценки поведения, совместно с ним действующих лиц, как соучастия в преступлении.

Ключевые слова: соучастие; акцессорная теория; теория самостоятельной ответственности соучастников; исполнитель преступления; ответственность исполнителя преступления.

Для цитирования: Украинчик А. В. Основания акцессорности в российской конструкции соучастия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 120–126; doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-120-126.

Alevtina V. Ukrainchik

ORCID: 0000-0001-6787-7059, ukralevtina@gmail.com

Pyatigorsk State University

9, Kalinin av., Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357532, Russian Federation

Russian State University of Justice Russian Federation

69, Novochemushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation

The foundation for accessory in the Russian construction of complicity

Abstract: The normative and doctrinal construction of complicity under Russian criminal law is based on the advantages that the accessory theory gives, limited to certain provisions of the doctrine of the independent responsibility of accomplices. At the same time, the starting point for the legal assessment of the joint behavior of several persons as complicity in a crime is the fact that the criminal commits actions that contain corpus delicti. Without this fact, the construction of complicity cannot be created. “Committing a crime” should be interpreted as the beginning of the direct commitment by the perpetrator of the objective side of the crime. The very presence of the perpetrator of the crime as a procedural figure, the fact of bringing him to criminal responsibility and the form of its implementation does not affect the assessment of what other persons have done as complicity in the

crime. The unity of the crime committed by the accomplices does not exclude the fact that the behavior of each of them contains its own, independent corpus delicti, which serves as the basis for their criminal responsibility.

Keywords: complicity; accessory theory; theory of self-responsibility of accomplices; the perpetrator of the crime; responsibility of the perpetrator.

For citation: Ukrainchik A.V. The foundation for accessority in the Russian construction of complicity // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 4 (88). – P. 120–126; doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-120-126.

Соучастие по российскому уголовному праву (во всех его формах) основано на принципе акцессорности с рядом ограничений, вытекающих из доктрины самостоятельной ответственности соучастников.

Этот тезис, в целом не оспариваемый значительной частью юристов, многократно подтверждается ролью и значением фигуры исполнителя для обоснования ответственности иных соучастников. Не претендуя на всесторонний анализ проблемы и раскрытие всех её квалификационных и наказательных аспектов, обратим внимание только на одну, исходную позицию: для наличия соучастия необходимо выполнение исполнителем преступления с любой уголовно наказуемой стадии.

Это первое, на что надо обратить внимание, говоря об акцессорности и значении исполнителя для соучастия: обязательным условием соучастия как такового является факт совершения преступления исполнителем. Данное условие, относящееся к понятию стечения преступников, состоит в том, что подстрекательство и пособничество, без наличия главного преступления или покушения на главное преступление, могут быть признаны виновными не как виды соучастия, а как отдельные самостоятельные противозаконные деяния, наказуемые без всякого отношения к основному преступлению, которое почему-либо не состоялось. Этот тезис развернуто аргументирован во многих литературных источниках [1, с. 39; 2, с. 98–101, 135–141; 3, с. 54–67; 4, с. 27–30], а также (пусть и не совсем полно) отражён в ч. 5 ст. 34 УК РФ: лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, несёт уголовную ответственность за приготовление к преступлению. О необходимости «главного деяния» говорит и сама лексема «соучастие в преступлении». Таким образом подчёркивается, что оно возможно лишь «в чём-то», то есть при наличии этого «чего-то».

В рассуждениях об этом признаке надо отметить как минимум два важных обстоятельства.

Первое: соучастие возможно только в том случае, когда исполнитель начнёт совершать преступление. Понятие «совершение» в данном случае следует трактовать так же, как если бы преступление выполнялось одним лицом. «Совершение» как процесс охватывает собой все наказуемые стадии преступления, начиная с приготовления. Единственная оговорка: приготовительные действия самого исполнителя должны быть предельно чётко обособлены от действий, в результате которых он дал согласие на участие в совершении преступления. Дело в том, что сам по себе сговор, по итогам которого исполнитель взял на себя соответствующую роль, ещё не есть собственно действие исполнителя. А потому, если совместные преступные действия нескольких лиц ограничатся только сговором, по итогам которого исполнитель ещё не успеет совершить никаких иных приготовительных действий, таковые не могут быть квалифицированы как соучастие в приготовлении к преступлению, но должны получить оценку только как приготовление к преступлению нескольких лиц, без дифференциации их ролей и без применения института соучастия.

Второе: для констатации соучастия необходимы конкретные действия исполнителя, но не сам исполнитель, который по разным причинам может и не предстать перед судом. В источниках прежних лет подчёркивалось: для соучастия нужно наказуемое деяние, а не наказание деятеля [5, с. 229]. Сам по себе исполнитель может быть не установлен следствием, может утратить способность ко вменению, может умереть к моменту расследования или судебного рассмотрения дела. Эти обстоятельства не влияют на возможность признания иных лиц соучастниками в преступлении. Соответствующие проблемы в наши дни неоднократно ставились перед Конституционным судом РФ, который в ряде своих решений¹ легитимировал существующую практику рассмотрения уголовных дел о соучастии

¹ Определение Конституционного Суда РФ № 104-О-О от 25.01.2012 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трутнева Владимира Петровича на нару-

в преступлении в отсутствие на скамье подсудимых непосредственного исполнителя преступления.

Таким образом, в отсутствие уголовно наказуемых действий исполнителя преступления поведение иных, совместно с ним действующих лиц не может оцениваться как соучастие в преступлении. Это главный, исходный принцип отечественной концепции соучастия, который очевидно восходит к постулатам акцессорной теории. Современная доктрина, – правильно пишет А. В. Пушкин, – отвергает лишь ту сторону акцессорности, которая проявляется в слепой зависимости ответственности и наказания, назначаемого соучастнику, от ответственности и наказания, назначаемого исполнителю преступления. «Именно в этом срезе признание акцессорной природы соучастия чуждо современной теории и практике применения норм уголовного закона» [4]. Но в части жёсткой зависимости самого факта наличия соучастия от наличия действий исполнителя акцессорность проявляет себя вполне определённо.

Несколько слов следует сказать об исходной оценке действий исполнителя, которая обуславливает соучастие. Как было отмечено, эти действия (или бездействия) должны обладать признаком уголовной противоправности и создавать для исполнителя основание уголовной ответственности, то есть содержать состав преступления. Но они не обязательно должны влечь за собой реализацию уголовной ответственности исполнителя. Исходя из того, что на признание соучастия не влияет факт привлечения исполнителя к уголовной ответственности и формы её реализации, в частности:

– освобождение исполнителя от уголовной ответственности (например, в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, применением судебного штрафа, иными мате-

шение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision88581.pdf> (дата обращения: 22.10.2020); Определение Конституционного суда РФ № 1743 от 19.07.2016 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Немова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision246428.pdf> (дата обращения: 22.10.2020); Определение Конституционного суда РФ № 1775-О-О от 21.12.2011 г. «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Шорора Александра Олеговича пунктом 4 части первой статьи 24 и частью пятой статьи 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision86855.pdf> (дата обращения: 22.10.2020).

риально-правовыми основаниями, амнистией или помилованием);

– прекращение в отношении исполнителя уголовного преследования в связи со смертью;

– непривлечение его к уголовной ответственности (например, в связи с розыском, отказом иностранного государства в выдаче или отсутствием согласия Совета Федерации, Государственной думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1, 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ);

– непривлечение соисполнителя к ответственности или освобождение его от ответственности ввиду недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или невменяемость (с принципиальной оговоркой, что речь идёт о соисполнителе).

Все эти обстоятельства, имеющие подчёркнуто личный характер, в силу которых ответственность исполнителя не была реализована, не препятствуют привлечению иных, совместно с ним действующих лиц к уголовной ответственности за соучастие в преступлении.

Наряду с отмеченными следует выделить ещё два подтверждающих начала акцессорности обстоятельства, при наличии которых освобождение от уголовной ответственности или от наказания исполнителя, тем не менее, с необходимостью влечёт за собой принятие аналогичных процессуальных решений в отношении иных соучастников. Подчёркнём: принятие решения об освобождении от ответственности или наказания не разрушает конструкции соучастия, оно принимается в отношении лиц, совершивших преступление именно в соучастии.

Первое такое обстоятельство – истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности. Вопрос о времени совершения преступления при наличии соучастия является дискуссионным. Некоторые авторы утверждают, что таковое время должно устанавливаться для всех соучастников по моменту совершения деяния исполнителем [2, с. 51–52; 6, с. 263]. Другие настаивают, что время определяется для каждого соучастника отдельно в зависимости от момента совершения ими конкретного деяния² [7, с. 18].

² Бойцов А. Н., Волженкин Б. В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве : учебное пособие. – Санкт-Петербург: ИПК прокурор.-следств. работников, 1993. – С. 12; Мельников М. Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мельников Михаил Григорьевич. – Рязань, 1999. – С. 22.

Представляется, что в решении проблемы надо чётко расставить акценты. Если вести речь именно о преступлении, совершённом в соучастии, то логично признать, что такое время будет установлено в тот самый момент, когда преступление было выполнено, то есть в момент совершения деяния исполнителем преступления. М. И. Ковалёв указывал, что началом для исчисления сроков давности для соучастников является момент совершения исполнителем действий, образующих состав преступления, причём он не зависит от времени совершения иными соучастниками своих действий, даже если эти действия по времени значительно предшествовали основному деянию [2, с. 51]. Действительно, надо сознавать, что если подстрекатель или организатор выполняют свою роль задолго до конкретных действий исполнителя, а пособник выполняет согласованные и заранее обещанные действия после того, как исполнитель совершит преступление, то вне действий самого исполнителя их поведение ещё не есть соучастие в преступлении. Это не означает неприступности их поведения. При отсутствии исполнительских действий содеянное иными соучастниками может быть квалифицировано как приготовление к преступлению. В этом случае время выполнения приготовления будет определяться, исходя из времени совершения конкретных действий несостоявшимися соучастниками, а не исходя из предполагаемого времени действия исполнителя. Таким образом, и здесь акцессорность имеет некоторые ограничения, но проявляет себя вполне определенно: если говорить о времени совершения преступления в соучастии, оно зависит от времени совершения исполнительских действий. По этому времени определяется и закон, подлежащий применению. А потому истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности следует начинать также с момента действий исполнителя. Если, к примеру, на момент принятия процессуального решения, установленный законом срок истёк со времени выполнения действия подстрекателем, но не истёк со времени действия исполнителя, расследование и разбирательство уголовного дела должно быть продолжено в общем порядке. Но если на момент принятия решения срок, исчисляемый со времени исполнительских действий, истёк, хотя со времени деяния пособника он ещё не истёк, пособник также должен быть освобождён от ответственности или наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Значимая оговорка, которую здесь необходимо всегда помнить, состоит в

том, что акцессорность не исключает прямого действия личных факторов, поэтому приостановление течения давностного срока в отношении одного из участников не может касаться других соучастников.

С вопросом о времени совершения преступления тесно связано и второе обстоятельство, исключаящее ответственность, но не исключаящее самого соучастия. Речь идёт о декриминализации. Если деяние, задуманное соучастниками, было декриминализовано до момента начала действий исполнителя преступления, то в силу неприступности совершаемого исполнителем всё содеянное не рассматривается как преступление, соответственно, не возникает вопрос и о соучастии. Если же декриминализация совершённого в соучастии преступления произведена после совершения деяния исполнителем, то такое законодательное решение не отменяет преступности деяния на момент его совершения. При решении вопроса о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с декриминализацией соответствующего деяния правоприменитель должен проверить, имело ли место деяние, квалифицировавшееся прежним уголовным законом как преступление, обосновано ли подозрение или обвинение данного лица в его совершении. Факт совершения преступления и факт соучастия должны быть чётко зафиксированы и подтверждаться собранными доказательствами. Иное будет свидетельствовать о нарушении закона и повлечёт отмену состоявшегося судебного решения.

Новый уголовный закон будет распространяться на всех лиц, причастных к совершению преступления, на всех соучастников. Поэтому прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в отношении исполнителя преступления с необходимостью будет требовать и прекращения дела в отношении иных соучастников. Единственная значимая оговорка (по большей части процессуального свойства), продиктованная опять-таки ограничениями, накладываемыми среди прочего теорией самостоятельной ответственности соучастников, заключается в том, что прекращение дела или преследования в отношении соучастников не является автоматическим. Решение принимается в отношении каждого соучастника в отдельности.

Как видим, акцессорность закономерно ограничена представлениями о самостоятельной ответственности соучастников за содеянное и предписаниями УК РФ об основаниях уголовной ответственности. Это отсылает нас к

старому спору о том, содержится ли при соучастии состав преступления только в деянии исполнителя или же он наличествует и в поведении иных соучастников. Очевидно, что если усматривать признаки состава преступления только в деянии исполнителя, то при строгой (абсолютной) акцессорности неустановление признаков состава преступления в деянии исполнителя (в том числе по формальным причинам, в силу отсутствия обвинительного приговора) исключает возможность оценки совершённого иными соучастниками как преступного. Надо отметить, что соответствующие высказывания имели место в литературе. В частности, И. П. Малахов писал, что деяние, совершённое подстрекателем и пособником, не содержит самостоятельных признаков конкретного состава преступления. Основанием же ответственности соучастников является, по его мнению, преступное поведение исполнителя³. В подобных условиях теоретики права были вынуждены либо доказывать неправомерность деяний иных, кроме исполнителя, соучастников, либо создавать для этих соучастников какие-то иные основания ответственности. Ни тот, ни другой вариант решения вопроса не может быть приемлем.

В этом старом споре мы всецело на стороне тех авторов, которые, проводя различия между составом преступления и преступлением, указывают, что общность, единство совершаемого соучастниками преступления не исключает того, что в поведении каждого из них содержится свой, самостоятельный состав преступления, который и выступает основанием их уголовной ответственности.

Но эта самостоятельность оснований ответственности, в свою очередь, также ограничена учением об акцессорности. Соучастие не создаётся, если деяние исполнителя не содержит состава преступления. В частности, если:

- деяние исполнителя совершается при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (в этом случае оценка совершённого несостоявшимися соучастниками зависит от конкретной ситуации: при неправомерности деяния исполнителя в силу исполнения приказа со стороны «подстрекателя» или «организатора» последние могут быть признаны «посредственными исполнителями» (ч. 2 ст. 33 УК РФ); при неправомерности деяния исполнителя в силу необходимой обороны, несостоявшиеся соучаст-

ники могут нести ответственность за приготовление к преступлению);

- деяние исполнителя содержит признаки малозначительности (в этом случае, полагаем, что также не исключается возможность привлечения несостоявшихся соучастников к уголовной ответственности за приготовление в форме прииспания исполнителя или сговора на совершение преступления);

- деяние не содержит ни признаков состава преступления, ради которого совместно действовали соучастники, ни признаков какого-либо иного состава преступления (например, в ситуации добровольного отказа исполнителя несостоявшиеся соучастники также должны отвечать за приготовление к преступлению).

Особое место в ряду обстоятельств, отражающих акцессорность соучастия, занимает постановление в отношении исполнителя преступления оправдательного приговора суда, причём с процессуальной точки зрения здесь возможны различные варианты, не влияющие на суть проблемы. Дело в отношении исполнителя может быть выделено и рассмотрено в отдельном производстве, в отношении одного лишь исполнителя может быть оправдывающий вердикт присяжных, дело может быть рассмотрено в общем порядке в отношении всех соучастников и в отношении исполнителя может быть судом постановлено об оправдании.

Во всех этих ситуациях возникает вопрос о правовой судьбе иных соучастников. Означает ли оправдание исполнителя отсутствие соучастия в преступлении. Вопрос этот не так прост, как кажется.

Представляется, что решение проблемы следует искать в основаниях постановления оправдательного приговора и особенностях предъявленного подсудимым обвинения. Согласно ч. 2 ст. 302 УПК РФ, оправдательный приговор постановляется в случаях, если: 1) не установлено событие преступления; 2) подсудимый непричастен к совершению преступления; 3) в деянии подсудимого отсутствует состав преступления; 4) в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт. Последний, как известно, может иметь место, если присяжные отрицательно ответят хотя бы на один из следующих вопросов: 1) доказано ли, что деяние имело место; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния (ч. 3 ст. 343 УПК РФ, ч. 1 ст. 399 УПК РФ).

³Малахов И. П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии : автореф. дис... канд. юрид. наук / Малахов Иван Павлович. – Москва, 1960 – С. 14.

Как видим, в любом случае часть оснований вынесения оправдательного приговора имеет, так сказать, объективный характер (отсутствует событие, отсутствует состав), а другая часть непосредственно связана с личностью подсудимого (не причастен, не виновен). Отсюда вполне закономерно, что правовые последствия оправдания исполнителя для иных соучастников будут различны, если:

- в отношении исполнителя преступления постановляется оправдательный приговор в связи с неустановлением самого события преступления, все остальные соучастники, обвиняемые в причастности к тому же самому событию, также должны быть оправданы;

- исполнитель оправдан в связи с отсутствием в его деянии состава преступления, то в зависимости от конкретных факторов, детерминирующих отсутствие состава, иные соучастники могут быть либо оправданы (например, при отсутствии вины или объекта посягательства), либо они могут нести ответственность за иное преступление без признаков соучастия (например, за приготовление к преступлению в ситуации добровольного отказа исполнителя);

- исполнитель признан непричастным к совершению преступления или невиновным, вопрос об ответственности иных соучастников должен решаться, как нам представляется в зависимости от того, какое обвинение было им предъявлено.

Если из обвинения следует, что лица совершили преступление в соучастии только с одним единственным исполнителем, который оказался непричастен к преступлению, и в материалах уголовного дела отсутствуют данные о том, что преступление могло быть исполнено иным лицом, то соучастники не могут быть признаны виновными в преступлении. В зависимости от ситуации в данном случае требуется либо вынесение в отношении них также оправдательного приговора, либо же дело в отношении таких соучастников должно быть возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий к его рассмотрению по существу. Если же в материалах дела имеется информация о том, что преступление могло быть исполнено также иным лицом (соисполнителем оправданного), которое по тем или иным причинам не привлечено к уголовной ответственности, препятствий к признанию их виновными в соучастии в преступлении не имеется.

Хорошей иллюстрацией рассматриваемой проблемы может служить дело осуждённого И., которое в порядке надзора рассматривал Верховный Суд РФ. По приговору Амурского об-

ластного суда от 25 июня 2012 г. (оставленному без изменения Судебной коллегией Верховного Суда РФ) И. осуждён, среди прочего, по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ; он признан виновным в убийстве потерпевшего В., совершённом группой лиц по предварительному сговору с Б., К. и П. Уголовное дело в отношении И. рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ 12 ноября 2014 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осуждённого, отменил приговор и кассационное определение в части осуждения И. по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ и уголовное дело в этой части возвратил прокурору, мотивировав своё решение следующим. Из содержания приговора Амурского областного суда от 25 июня 2012 г. следует, что И. был осуждён за убийство В., совершённое группой лиц по предварительному сговору, совместно с лицами, указанными в приговоре как «Б», «К» и «П», уголовное дело в отношении которых расследовалось в отдельном производстве. При этом, как указано в приговоре, все телесные повреждения потерпевшему причинены в результате совместных преступных действий И. и указанных лиц.

Между тем, после вступления данного приговора в законную силу Амурским областным судом с участием коллегии присяжных заседателей было рассмотрено уголовное дело в отношении Б., П. и К., которые обвинялись в том числе в убийстве В., совершённом группой лиц по предварительному сговору, совместно с И., при тех же обстоятельствах. По приговору от 15 июля 2013 г. Б. и К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а П. – по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, оправданы за непричастностью к совершению указанного преступления на основании вердикта коллегии присяжных заседателей. Присяжные заседатели, признав доказанным событие преступления, на вопрос о совершении данного преступления Б., К. и П. ответили отрицательно.

На основании этого высшая судебная инстанция констатировала, что в приведённых судебных решениях имеются противоположные выводы относительно участия в совершении данного преступления, помимо подсудимого, других лиц. Обвинение, предъявленное И. в части совершения убийства В. по предварительному сговору совместно с Б., К. и П., находится в противоречии с обстоятельствами, установленными приговором от 15 июля 2013 г., в связи с чем судебные решения в части осуждения И. по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ отменены, уголовное

дело возвращено прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом⁴.

Таким образом, ещё раз повторим: именно наличие преступных действий исполнителя преступления, а не его ответственность, является необходимым, обязательным условием для оценки поведения, совместно с ним действующих лиц, как соучастия в преступлении.

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12 ноября 2014 г. № 119-Р14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2.

Список литературы

1. *Жиряев А. С.* О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении / 2 изд. – Москва: Ленанд, 2017. – 145 с.
2. *Ковалев М. И.* Соучастие в преступлении. Часть 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности / под ред. М. А. Ефимова. – Свердловск: [Б. и.], 1962. – 275 с.
3. *Пудовочкин Ю. Е.* Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика. – Москва: РГУП, 2017. – 174 с.
4. *Пушкин А. В.* Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления // Законность. – 2001. – № 3. – С. 27–30.
5. *Будзинский С. М.* Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – 362 с.
6. *Дурманов Н. Д.* Советский уголовный закон. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 319 с.
7. *Пудовочкин Ю. Е.* Действие уголовного закона во времени. Обратная сила уголовного закона : научно-практ. пособие. – Москва: РГУП, 2014. – 271 с.
8. *Козлов А. П.* Соучастие: тенденции и реальность. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – 362 с.
9. *Бавсун М. В., Бимолданов Е. М., Карпов К. Н.* Специальные вопросы соучастия в следственно-судебной практике Российской Федерации и Ресублики Казахстан. – Омск: Омская академия МВД России, 2018. – 88 с.
10. *Аветисян С. С.* Уголовно-правовые основы ответственности соучастников преступления // Союз криминалистов и кримиологов. – 2020. – № 1. – С. 7–14.
11. *Шарапов Р. Д.* Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 10 (119). – С. 105–115.

References

1. *Zhiryayev A. S.* O stechenii neskol'kikh prestupnikov pri odnom i tom zhe prestuplenii / 2 izd. – Moskva: Lenand, 2017. – 145 s.
2. *Kovalev M. I.* Souchastiye v prestuplenii. Chast' 2: Vidy souchastnikov i formy uchastiya v prestupnoy deyatel'nosti / pod red. M. A. Yefimova. – Sverdlovsk: [B. i.], 1962. – 275 s.
3. *Pudovochkin Yu. Ye.* Kvalifikatsiya souchastiya v prestuplenii. Sudebnaya praktika. – Moskva: RGUP, 2017. – 174 s.
4. *Pushkin A. V.* Printsipy aktsessornoy i samostoyatel'noy otvetstvennosti souchastnikov prestupleniya // Zakonnost'. – 2001. – № 3. – S. 27–30.
5. *Budzinskiy S. M.* Nachala ugolovnogo prava. – Varshava: Tip. I. Yavorskogo, 1870. – 362 s.
6. *Durmanov N. D.* Sovetskiy ugolovnyy zakon. – Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1967. – 319 s.
7. *Pudovochkin Yu. Ye.* Deystviye ugolovnogo zakona vo vremeni. Obratnaya sila ugolovnogo zakona : nauchno-prakt. posobiye. – Moskva: RGUP, 2014. – 271 s.
8. *Kozlov A. P.* Souchastiye: tendentsii i real'nost'. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2001. – 362 s.
9. *Bavsun M. V., Bimoldanov Ye. M., Karpov K. N.* Spetsial'nyye voprosy souchastiya v sledstvenno-sudebnoy praktike Rossiyskoy Federatsii i Resupbliki Kazakhstan. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2018. – 88 s.
10. *Avetisyan S. S.* Ugolovno-pravovyye osnovy otvetstvennosti souchastnikov prestupleniya // Soyuz kriminalistov i kriminologov. – 2020. – № 1. – S. 7–14.
11. *Sharapov R. D.* Souchastiye v prestuplenii: zakon, teoriya, praktika // Lex russica (Russkiy zakon). – 2016. – № 10 (119). – S. 105–115.

Статья поступила в редакцию 30.09.2020 г.